

ISSN 0042-8744

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

9

2010

Этика силы – в противостоянии насилию и агрессии

Р. Г. АПРЕСЯН

Насилие есть зло, и ему надо противостоять всеми возможными средствами, включая силовые. Если и можно говорить о некоем абсолютном требовании морали, то это требование противостояния злу, и как таковое оно приоритетно по отношению к требованию неприменения силы, ненасилия. Сила не должна применяться инициативно, но в действиях, направленных против насилия и агрессии при неэффективности ненасильственных методов допустимо и необходимо применение силовых методов. Однако последнее требует своей этики, своих правил, во-первых, направленных на ограничение тех, кто решается на применение силы, во-вторых, используемых для оценки примененных силовых средств, в том числе и для определения степени ответственности тех, кто превысил масштаб силы, применение которой было необходимо в данных обстоятельствах.

Violence is evil and it should be striven with all possible means, including force. If it were appropriate to speak on some absolute moral command, it would be a command of confrontation to evil. This command as such is prior to a command of non-application of force, or nonviolence. Force should not be applied initiatively. But if non-force methods appear to be ineffective in confrontation to violence and aggression, the use of force is both, admissible and necessary. However, the latter requires a relevant ethic, i.e. rules in order, firstly, to limit those who is ready to apply force in means and scale; secondly, to assess the propriety of force has been applied and determination responsibility of those who exceeded the level the force needed under the given circumstances.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этика силы, насилие, ненасилие, противостояние злу, абсолютная этика.

KEYWORDS: ethics of force, violence, nonviolence, confrontation to evil, absolute ethics.

Выражение “этика силы” может показаться оксюмороном для тех, кто понимает этику, или мораль, как умеренность, сдержанность, мягкость и если действие, то бессильное¹. Можно, конечно, помня о выражении “сила убеждения”, предположить, что речь идет о силе духа, или идеальной силе. Но я хотел бы оговориться, что имею в виду силу вообще, в том числе и силу духа, однако в первую очередь – силу как таковую, т.е. физичес-

кую силу, и считаю, что в ответ на агрессию и насилие надо использовать все возможные средства для их отражения и подавления. Если можно отразить силой духа – хорошо, но если силы духа недостаточно или агрессор бесчувствен к “тонким” воздействиям, нужно использовать, по нарастающей, все необходимые средства, в том числе и силовые, радикально силовые. Этика же должна задать границы применения силы в противодействии насилию.

Противостоять насилию – моральная обязанность человека. Это обязанность справедливости. Один из смыслов справедливости – в установлении предела индивидуальному произволу. Принцип справедливости направлен против эгоистических мотивов и призван удержать человека от причинения другому вреда, страдания. Принцип справедливости требует уважать права другого человека и, значит, не посягать на чужую личность и ее собственность. Посягательство на личность заключается в нанесении ей вреда, не только материального, но и морального – причинением огорчения и необоснованного беспокойства, выражением подозрения, нанесением оскорбления или клеветой. Сюда же следует отнести перекаладывание на других с помощью насилия или хитрости собственных забот и обязанностей. С этой стороны принцип справедливости конкретизируется в следующих требованиях: *не обижай, не вреди, не нарушай чужих прав*, что в положительной форме можно выразить как требование уважения. Требование недопущения несправедливости, непосредственно воспринимаемое и трактуемое как запрет на несправедливость в отношении других, имеет и другой, существенно важный в этическом плане аспект: не допускать совершения несправедливости в отношении других так же, как в отношении себя. Один из глубоких смыслов справедливости заключается в активном сопротивлении чужим посягательствам, в том числе, если необходимо, с помощью силы. Речь здесь идет о легитимном применении силы, о применении силы, основанном на праве. Субъектом так понимаемого права является каждый индивид, и предметом права является его жизнь и его собственность, защищать которые от нелегитимных посягательств он может всеми необходимыми средствами.

Если соблюдение справедливости в отношении *других* предполагает исполнение своих обязанностей, то справедливость в отношении *себя* предполагает защиту собственных прав. В утверждении собственной воли есть первый шаг свободы; защищая собственные права, индивид подтверждает свою свободу как гражданин. А терпеливое перенесение несправедливости в отношении себя, даже не сопровождаемое чувством собственной униженности, представляет собой попустительство злу, хотя пассивное и косвенное, но содействие ему, и уже потому является проявлением несвободы.

Свобода в широком смысле как отсутствие давления или ограничения многогранна. Одна из граней свободы касается способа существования человека в обществе и в отношениях с другими людьми, – в контексте сталкивающихся и конфликтующих частных интересов и воли. Свобода выражается в действии, совершенном по собственному выбору, выбору в условиях различия возможностей, выбора не по принуждению и вопреки принуждению, а также ценностно определенному, т.е. с пониманием альтернативности добра и зла. Позитивно свобода проявляется в творческой усилки к добру, в противостоянии злу и его поборении. В условиях межличностного и социального взаимодействия свобода утверждается посредством режима равных взаимных ограничений, о чем и говорит известная максима “Свобода человека ограничена свободой другого” (или, по английской пословице, “Свобода Вашего кулака ограничена кончиком моего носа”). Как личная нравственная задача свобода выступает, таким образом, в строгой форме императива: ограничивать собственное своеволие, подчиняя его соблюдению прав других, не позволяя себе несправедливости в отношении других и содействуя их благу.

Приведенные характеристики справедливости и свободы имеют неоднозначные практические следствия. Что нужно делать при встрече с несправедливостью и принуждением, когда несправедливость насильственна, принуждение неправо, а творящий несправедливость невосприимчив к обращенным к нему вразумлениям, основанным на справедливости, добре и просто здравом смысле? На этот вопрос невозможно дать конкретный прак-

тический ответ. Но каковы могут быть принципы адекватного ответа на бесчувственное (“отмороженное”) зло?

Может быть понятной мысль, что ответная справедливость на несправедливость и ответное уважение на унижение, как ответное добро на зло, восстанавливают нарушаемое равенство и способствуют поддержанию нравственного порядка. Как эту мысль осуществить практически, зависит от конкретной ситуации. Отстаивание справедливости, как и других добродетелей, всегда выступает перед человеком в виде ситуативных, житейских, жизненных задач, решение которых не имеет алгоритма, даже в такой минимальной их части, как сохранение личностью собственного достоинства. Но важно помнить, что возможность сохранения собственного достоинства у человека никто не может отнять. И исторически, и биографически достоверные опыты разных людей свидетельствуют о том, что исключительно достойное поведение человека в конкретной ситуации торжества злодея и духовное воздействие на злодея порой может быть достаточным для его пресечения. Но правильно ли рассматривать такие проявления личностного совершенства в качестве алгоритма поведения для каждого человека в конфликтной ситуации?

* * *

Наиболее известный, хотя и не самый распространенный на практике ответ на этот вопрос состоит в том, что *злу не следует противиться*. Таково одно из основных наставлений Христа “Не противься злему” (Мф. 5:39), даваемых в Нагорной проповеди в противовес правилу талиона. Этим наставлением опосредованы заповеди любви, прощения, любви к врагам и другие прилежащие им. Его содержание наиболее близким образом отражено в некоторых апостольских посланиях: “Никому не воздавайте злом за зло” (Рим. 12:17) и аналогичных, без универсализующего дополнения “никому” (1 Фес. 5:15; 1 Петр. 3:9). У апостола Павла можно услышать знакомые по книгам Ветхого Завета мотивы: “...дайте место гневу Божию...”, благоволя врагу, “ты соберешь ему на голову горящие уголья” (Рим. 12:19, 20). Но главным оказывается другое: “Не будь побежден злом, но побеждай зло добром” (Рим. 12:21; ср. 1 Фес. 5:15). Благоволением, благословением, смирением.

Внутренний этический смысл заповеди “Не противься злему” и ее ближайший нормативный контекст как в Нагорной проповеди, хотя и неявно, так и у апостолов, особенно у Павла, показывают ее непосредственное сопряжение с заповедью любви, и тем самым во многом, хотя и не во всем, разясняются ею. Формула “Не противься злему” безапелляционна, однако лишь в определенном смысле она однозначна, универсальна и абсолютна. И поскольку в определенном, то, значит, ограничено однозначно и универсальна и, следовательно, не абсолютна. Пределы этой ограниченности подлежат прояснению, которое возможно посредством, во-первых, анализа ближайших нормативных контекстов заповеди, канонизированных отсылок к параллельным местам в Библии и реконструкции метанормативной основы заповеди, т.е. нормативного содержания христианской этики во всей ее полноте, и, во-вторых, анализа социально-этического и морально-философского смысла заповеди в более широком, трансхристианском контексте.

Этика непротивления никогда не была и не могла быть доминирующей даже в христианской культуре. У нее всегда были свои сторонники, активно проявлявшие себя как в теории, так и на практике. В Новое время эта этика получила наиболее яркое развитие в учении Л.Н. Толстого о непротiwлении злу насилieм. Заповеди любви к врагам и непротiwления злу (насилieм) Толстой считал важнейшими в христианстве, с наибольшей полнотой выражающими основополагающую – заповедь любви. “Всякий мирской человек, – писал он, – читая Евангелие, в глубине души знает, что по этому учению нельзя ни под каким предлогом: ни ради возмездия, ни ради защиты, ни ради спасения другого, делать зло ближнему, и что поэтому, если он желает оставаться христианином, ему надо одно из двух: или переменить всю свою жизнь, которая держится на насилieм, т.е. на делании зла ближнему, или скрыть как-нибудь от самого себя то, чего требует учение Христа” [Толстой 1993, 185]. Л.Н. Толстой, несомненно, является первоапостолом философии ненасилia новейшего времени; и М. Ганди, и М.Л. Кинг апеллировали к Толстому

как живительному источнику своих учений. Философия ненасилия Толстого, обогащенная фундаментальными морально-философскими идеями, лежит в основе концепции ненасилия А.А. Гусейнова, который выдвинул ряд аргументов против каких-либо попыток морального оправдания насилия. Ему принадлежит заслуга теоретического обустройства философии ненасилия в современном российском обществоведении и ее идейного обоснования как этики ненасилия (см. [Гусейнов 1996, 236–264; Гусейнов 1999, 396–418, 475–486; Гусейнов 2004, 19–28]). Следует отметить, что протолстовской версии философии ненасилия, а иной, сопоставимой с ней по обоснованности пока нет, свойствен нормативно-ценностный абсолютизм. Ненасилие трактуется в ней абстрактно – как безусловный и универсальный нравственный принцип, не преломленный в поведенческие и социально-политические тактики и не учитывающий во всей полноте действительную практику разрешения и неразрешения конфликтов.

В рамках христианства получила развитие и другая традиция в понимании должного поведения перед лицом угрозы несправедливости и реально творящейся несправедливости. Эта традиция отстаивала возможность, допустимость и нравственную оправданность применения силы для противостояния агрессивной и разрушительной враждебной силе. Она восходит к Амвросию Медиоланскому и Августину Блаженному, который опирался на античных авторов, в первую очередь Цицерона. Наиболее значимое классическое выражение она получила в поздней схоластике – у Фомы Аквинского, Ф. де Витория и Ф. Суареса, а современный вид приняла благодаря Г. Гроцию, чей трактат “О праве войны и мира” лег в основу международного права. Данная традиция оформилась в учении о справедливой, или оправданной войне, принципы которой выводились из норм допустимой самообороны. На российской почве этот подход был обоснован и всесторонне развит И.А. Ильиным в концепции *сопротивления злу силой*, направленной против толстовства (см. [Ильин 1993]), однако в разных своих формах он получил развитие и у других мыслителей, например В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева (Бакунин, Ткачев и Троцкий здесь во внимание не принимаются, поскольку в отличие от названных мыслителей их оправдание силы сводилось в результате к оправданию насилия, было в целом антигуманистическим и основывалось на окончательном разделении людей на “хороших” и “плохих”).

* * *

Итак, абсолютность заповеди “Не противься злему” (“Не отвечай злом на зло”) в этике, проповедуемой Иисусом, кажущаяся. В двух случаях артикулирования этой заповеди в Новом Завете из четырех предполагается условность ее применения – когда Павел, высказав ее в универсализуемом виде (“Никому не воздавайте злом за зло”), добавляет: “Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми” (Рим. 12:18). Она абсолютна в тех ограниченных рамках, которые, согласно раннехристианским представлениям, подлежат личной ответственности человека. Но этими рамками не исчерпывается сфера этического ни в христианской этике, ни тем более в современном понимании морали, которое сформировалось в Новое время и которое в основных своих чертах продолжает сохраняться, – даже нищенски и про-нищенски критикуемое и обличаемое. Христианская мораль – другая: это мораль не индивидуальной ответственности и личной автономии, а мораль индивидуального спасения и полной подотчетности Божеству и ответственности, задаваемой этими направляющими; это мораль, разделенная на человеческий и Божеский удел, мораль, даже в миру опосредованная Богом. Так что полнота восприятия нормативного содержания христианской этики – что для самих христиан, разумеется, очевидно – предполагает признание сугубо религиозного характера этой этики как этики, выстроенной в уверенности соприсутствия Бога человеку. Человеку предписана забота о своем спасении и, как предпосылка этого, забота о собственной внутренней чистоте, которая невозможна без исполнения заповедей, данных Богом. Представление же христианской этики только как этики вне собственно христианского, т.е. нуминозно опосредованного, воззрения на мир эсхатологически-индифферентно обрекает ее на простоту морализирующего утопизма, что и случилось с Л.Н. Толстым, оторвавшим Христа

от христианства и ограничившего христианство Евангелием, к тому же синоптически выстроенным.

Вышеприведенным обзором я хотел показать (причем исключительно с нормативно-этических позиций, не претендуя на выражение христианской точки зрения и понимая, что христианская точка зрения может выражаться различным, конфессионально определенным, образом), что христианство не предлагает этики, целостно основанной на непротавлении. Заповедь “Не противься злему” представляет лишь одну сторону медали, на другой же начертано “Мне отмщение, Аз воздам”.

Не нравственное возвышение и усовершенствование человека или его гордыня, а потребности изменяющегося общества уже не как церковно-общинного, а христиански-государственного общества привели к тому, что решительное отчуждение от человека ответственности за справедливость, предпринятое Иисусом и апостолами, было подвергнуто ревизии. В качестве политически активной государственной религии христианство не могло позволить себе этики непротавления. Это св. Франциск (и подобные ему отшельники, пусть и в миру отшельники) проповедовал заповедь непротавления и любви. Христиане же, живущие в обществах, в которых вся полнота политической и юридической ответственности уже лежала *на них*, а не на нехристианах, как это было в первые века христианства, христиане, пришедшие к власти, христиане, принадлежащие церкви, все более обретающей черты основополагающего политического института, не могли позволить себе принцип непротавления, тем более в его новозаветных интерпретациях.

Абсолютистское этическое сознание, мыслящее в категориях идеальных моральных форм, высшего совершенства, радикальной противоположности добра и зла, воспринимает попытку оправдать насилие с помощью морализаторских ухищрений как этически ничтожную. Однако теория “справедливой войны” вводит жесткие моральные ограничения на применение силы, реалистически признавая необходимость ее использования в далеких от совершенства земных делах. Заслуживает внимания факт, что в отношении военной силы усилия философов, начиная с Августина, были направлены на то, чтобы ограничить возможность ее применения лишь санкцией законных властей. Таким образом выражалось понимание, что применение силы это социально и политически обусловленная акция, выходящая за узкие рамки личных отношений. В равной мере это касается применения силы для сохранения общественного порядка. То, что на протяжении всей истории человечества использование военной и полицейской силы, как правило, было сопряжено с драматическими гуманитарными и социальными издержками, а нередко политическими и лично-корыстными злоупотреблениями со стороны как политиков, так и силовых структур, только подтверждает необходимость таких ограничений. Для современного демократического этико-политического мышления субъектом этих ограничений выступают отнюдь не политики и генералы, а общество. Непризнание, воспользуясь словами Н.А. Бердяева, “общественных форм борьбы со злом и общественных форм творческого созидания жизни и культуры” [Бердяев 1994, 464–465] может отражать либо индивидуализм, причем крайне антиобщественный (в чем Бердяев упрекал Толстого), и анархизм, либо этатизм, который также имеет тенденцию к крайним формам, в частности к тоталитаризму.

Интересно отметить, как абсолютистское этическое сознание своеобразно воспроизводит нормативную логику раннехристианской “этики непротавления”. Аналогично тому, как заповедь “Не противься злу” комплементарно сопоставляется в Библии со словами Господа “Мне отмщение, Аз воздам”, нравственная установка людей на обязательное протавление злу воспринимается абсолютистским этическим сознанием как проявление чуть ли ни сверхчеловеческих амбиций человека, тем более низких как непременно сопряженных с желанием совершить насилие. Человеку отказывается в способности определить, что есть зло и что есть добро, и сама попытка такого определения рассматривается уже как насилие. Об этом не раз прямо говорит, ссылаясь на учение Иисуса, Толстой (см. [Толстой 1993, 170]). Несколько иначе, но в этом же духе говорит об этом и А.А. Гусейнов, указывая, что “вопрос об этическом обосновании насилия сводится к вопросу о том, правомерно ли делить людей на добрых и злых”, и уточняя, что речь здесь идет не

об оценке поступков или даже линии поведения, а “об оценке людей в их изначально-духовной заданности” и, соответственно, признании одной воли как “исключительно (безусловно, абсолютно) доброй”, а другой – как “исключительно (безусловно, абсолютно) злой” [Гусейнов 1999, 401, 413]. Только при форсированно абсолютистском понимании морали возникает убеждение, что любое моральное суждение является предельным или что человек каждый поступок совершает так, как будто только от этого и будет зависеть получение им пропуска в рай. Но дело не только в этом. Считать, что человек не может различить добро и зло, более того, что у него нет морального права высказывать на этот счет суждения, значит, отказывать человеку в статусе морального субъекта. Конечно, моральность человека проявляется в его способности поступать морально. Но возможно ли моральное деяние без размышления и решения? Решения, совершаемого на основе выбора? Выбора между добром и злом, т.е. основанного на моральном суждении? Выбора в самоопределении к другому человеку?

Другой крен в аргументации представителей абсолютистского мышления против сопротивления злу состоит в том, что, не разбирая возможностей различных способов сопротивления, кроме самопожертвования, от самых невинных (которые тоже могут быть действительными) до решительных и силовых, они рассматривают любое решительное противодействие злу как чреватое убийством.

В известном, упрощенном и схематичном, примере Толстого перед “злодеем с ножом” оказывается человек с пистолетом с единственной альтернативой: либо молниеносно заградить своим телом возможную жертву, либо выстрелить наповал [Толстой 2002, 70]. “Насилие же по существу своему неизбежно ведет к убийству”, – убежден Толстой и обосновывает этот тезис тем, что любая попытка принудить человека сделать что-то с угрозой применения силы предполагает готовность и возможность применения силы вплоть до крайних ее форм [Толстой 1993, 177]. Хотя авторы, пишущие о ненасилии, вроде бы понимают неисчерпываемость силового противодействия физической силой, главный упор они делают именно на физической силе, причем в ее радикальном выражении – убийстве. При этом они не замечают принципиальные утверждения сторонников теории “справедливой войны”, что использование силы оправданно лишь в крайнем случае, после настойчивых попыток разрешить конфликт мирными и ненасильственными средствами. Или не желают доверять этим утверждениям.

Еще одно положение, связанное с этическим абсолютизмом (но не обязательно обусловленное им), касается трактовки природы насилия. По Толстому, “всякое насилие состоит в том, что одни люди под угрозой страданий или смерти заставляют других делать, чего не хотят насилуемые” [Толстой 2002, 15]. Более точное определение Толстым насилия, именно в его противоположности любви, заключается в представлении насилия как того, “что одни люди могут силой заставить других людей жить по своей воле” [Толстой 1993, 168].

Такие определения насилия не дают критерия для строгой и универсализуемой квалификации тех или иных действий как насильственных. Объективный критерий насилия задается пониманием последнего как действия, неправомерно и вопреки воле человека понижающего его нравственный (духовный), социальный (экономический, гражданский, политический) и жизненный статус, а также угрозы совершения этого действия. Определяемые таким образом границы насилия, возможно, широки, но во всяком случае четко обозначены. Неправомерность следует понимать в буквальном смысле этого слова – как несоизмеримость праву. Правомерность – это не чья-то (субъективная, случайная) точка зрения, это точка зрения права. “Понижение статуса” человека следует понимать в объективном плане как лишение жизни и имущества, нанесение ущерба здоровью, имуществу, положению, попрание прав, т.е. любое нарушение статус-кво; а в субъективном плане – разрушение, нарушение идентичности индивида. Очевидно, что определения насилия, типа толстовского, как действия, совершаемого в отношении другого против воли другого, противоречат право-ориентированной трактовке насилия.

Предлагаемое понимание насилия выводит его за рамки только физического насилия. Обращенность внимания приверженцев ненасилия именно к убийству как выражению на-

силы понятно: убийство является крайней и непоправимой формой насилия. Исключительная сфокусированность на убийстве не позволяет сторонникам ненасилия увидеть множество других, связанных с применением силы, форм воздействия на совершающего зло – не разрушительных, но только ограничивающих, подавляющих. Однако деление насилия на физическое и психологическое, даже с добавлением морального, не компенсирует, на мой взгляд, непризнания правовых характеристик насилия как существенных для данного феномена.

Ненасилие обратно насилию в том смысле, что им подтверждается статус-кво. Это такое по характеру отношение к другому, при котором другому не причиняется вред, права другого не нарушаются и тем самым соблюдается минимальная справедливость. Ненасилие – это не забота, не благотворение, не милосердие и даже не уважение. Это всего лишь невреждение. В этом смысле ненасилие есть *ahimsa*, что на санскрите и означает буквально “невреждение”. И если здесь остается уместным говорить о самооценности личности, то лишь в смысле ее автономии, суверенности. Поэтому насилие оппозиционно не любви, как думал Толстой, а ненасилию. Любви оппозиционны вражда и равнодушие. Ненасилие является одним из первостепенных, или приоритетных, нравственных принципов, исполнение которых необходимо в первую очередь, с которых начинается нравственность, нравственное отношение к другому. В этом смысле ненасилие насущнее благотворения, милосердия, заботы: благотворительность, милосердие, забота должны осуществляться в уверенности непричинения вреда, нарушения достоинства и права того, на кого они направлены. Ненасилие первостепенно и в действиях другого рода – в противостоянии неправому и злему: следует воздерживаться от применения силы – сначала от ограничивающей силы, далее – от подавляющей силы, далее – от разрушительной силы.

Собственно говоря, утверждением ненасилия в качестве предшествующего благотворению и заботе устанавливается приоритетность удержания от зла в сравнении с обращенностью к добру и противостояния злу в сравнении с творением добра. Если можно говорить об абсолютных нравственных принципах, то таков по сути один: противостояние злу. Требование творить добро обусловлено им: твори добро при условии, что не допускаешь зла. Принципом противостояния злу обусловлен и принцип ненасилия. Таким образом, хотя ненасилие само по себе благо, принцип ненасилия не безусловен, поскольку и в императивно-ценностном, и практически-поведенческом планах он опосредствован противоположностью добра и зла.

Еще один тезис представителей этического абсолютизма состоит в том, что силой нельзя побороть насилие и искоренить зло. Предполагается ли при этом, что ненасилием и добром можно побороть насилие и зло? Прояснение этого вопроса потребовало бы расширения теоретической рамки обсуждения и обращения к вопросу о природе зла, морального и социального, что неисполнимо в рамках данной статьи. Замечу лишь очевидное: истоки зла далеко не исчерпываются неинформированностью, заблуждением, корыстью и внутренней злобой людей. На тезис о том, что зло побеждается добром, достаточно пока посмотреть в том же ключе, что и на вышеназванный (силой нельзя побороть насилие и искоренить зло), выступая против зла, человек вынужден выносить моральное суждение относительно другого, а на это у него нет морального права. Только моралисты, святоши и романтические революционеры полагают, что, совершая конкретные поступки, пусть и добродетельные, они выступают против зла вообще. В земных делах противостояние злу выражается в разного рода действиях: в предотвращении вреда, пресечении наглеца, противодействии агрессору, отпоре хулигану и насильнику, разоблачении мошенничества и т.д. В обычной речи нравственной повседневности слово “зло” – это экспрессивное обозначение таких вещей, как халатная непредусмотрительность, неправота, неправильность, несправедливость, злодейство. Люди противодействуют конкретным поступкам конкретных людей, отстаивая собственные интересы, достигнутые договоренности, существующие обычаи и принятые установления или добиваясь изменения последних. Все это философствующий наблюдатель может обозначить абстрактным словом “зло”, а философствующий аналитик – отличить от деятельности идеологов и морализирующих по-

литиков или интриганов, манипулирующих словами “добро” и “зло” для провоцирования людей на выгодные им действия.

На зло, конечно, не следует отвечать злом. В ответ на вредничанье не следует вредничать, в ответ на интригу – интриговать, на коварство отвечать коварством, тем более на наглость и преступление – наглостью и преступлением. Но не противиться злу безнравственно. За нанесенный ущерб, тем более сознательно нанесенный, за проступок и преступление виновный должен ответить в соответствии с принятыми в данном сообществе в данное время нормами. Злу (в обозначенном чуть выше разнообразии его конкретных проявлений) следует сопротивляться. Иначе его не остановить. Сопротивляться – это значит предпринимать активные усилия – моральные, социальные, политико-правовые, силовые, направленные на создание условий, делающих невозможными чьи-то опасные действия. Сопротивление может принимать формы устыжения и усовестливания того, чьи действия неоправданно нарушают чужие интересы и права, а может быть, и молитвенно-духовного обращения к *Властям* и *Силам* (именно в эзотерическом смысле этих слов), чтобы они остановили поступающего неправильно (если кому-то это по силам). Сопротивление может также принимать формы протестующего или пресекающего окрика, объявления тревоги, чинения всяческих организационных и физических препятствий, силового ограничения и подавления. При этом сопротивляющийся злу должен понимать всю меру принимаемой на себя ответственности и, следовательно, быть готовым ответить перед другими, обществом или законом, если предпринятые усилия по сопротивлению оказались отрицательно несоизмеримыми, т.е. чрезмерными.

Насилие и ненасилие – парные понятия, и по инерции восприятия парных понятий они могут неоправданно рассматриваться как оппозиционно симметричные понятия не только по своему фактическому содержанию, но и по этическому статусу. Однако они не полностью симметричны. По своему фактическому содержанию и насиле, и ненасилие характеризуют действия, в том числе действия в широком смысле: как череду действий, как политики. При этом в отличие от насилия ненасилие является еще и этическим (моральным) принципом. Даже для злого сознания нет необходимости в принципе насилия. Насилие повседневно, обычно, инерционно. Повседневное и стихийное не нуждается в нормативном оформлении и тем более этической аргументации. Мир погряз в насилии, и, наоборот, необходимо усилие для осознания возможности и предпочтительности ненасилия. Необходимость усилия делает ненасилие этико-мировоззренческой и практически-нравственной проблемой. Это уже в ответ на проповедь и наставление ненасилия и развивающие их учения были предприняты попытки оправдания и обоснования необходимости применения силы в сопоставлении с ненасилием. И это понятно: евангельскую этику непротivления злу с помощью силы нужно было как-то приспособить к повседневности насильственного мира.

Насилие и ненасилие – это характеристики действий. Действия бывают инициативными и реактивными. Нравственность однозначно предопределяет инициативные действия – они должны быть не наносящими вреда и добродетельными, т.е. справедливыми и милосердными. В общем виде принцип инициативного действия задается в морали *золотым правилом*. В христианстве принцип инициативного действия был усилен *заповедью любви*, содержательно более определенной по сравнению с золотым правилом. В своей радикальной форме она выражена в *заповеди любви к врагам*. Однако эта заповедь касалась инициативного отношения и инициативных действий.

Как же проявлять любовь к врагам, не когда они пленены и скованны, не когда они по каким-то причинам миролюбивы и даже не когда они только сквернословят и наносят оскорбления, но когда они однозначно ведут себя как враги, т.е. наносят вред имуществу, похищают или уничтожают его, угрожают здоровью и жизни, а также здоровью и жизни моих близких, соратников, вообще невинных людей. Иными словами, как проявлять любовь к врагам в условиях, когда этой любовью может быть ограничена и ущемлена любовь к близким, друзьям, неврагам? Настаивание на безусловном нравственном приоритете ненасилия и безусловном недопущении применения силы в отношении несущего зло

не только представляет собой уход от ответа на этот вопрос, но и по существу ведет к попустительству злу.

Наряду с инициативными действиями нравственность регламентирует и реактивные действия – посредством *принципа равного воздаяния*, причем двояко. Реакции на положительные, благотворные действия регулируются правилом благодарности; на отрицательные, тлетворные действия – *правилом талиона*. По-своему обе стороны принципа равного воздаяния раскрываются в известном наставлении Конфуция. На вопрос “Правильно ли отвечать добром на зло?” он ответил: “Как можно отвечать добром? На зло отвечают справедливостью. На добро отвечают добром” [Лунь Юй 1972, 165].

Таким образом, в отличие от инициативных действий некоторые реактивные действия, а именно действия, совершаемые в ответ на нанесенный ущерб, допускают в определенных границах применение силы, что и устанавливается правилом талиона. По степени “реактивности” ответные действия разнородны и, соответственно, различны масштабы применения силы. В ответ на неминуемую угрозу злодеяния допустимы все необходимые усилия по его предотвращению, т.е. у каждого есть право на защиту себя и своих близких от посягательств на жизнь, здоровье и благополучие. С этической точки зрения, от каждого ожидается помощь и поддержка в защите от посягательства на жизнь, здоровье и благополучие любых людей – как ближних. Нравственная допустимость применения силы в ответ на *уже нанесенный* ущерб меньше. Еще меньше нравственная допустимость применения силы в ответ на ущерб, нанесенный в прошлом, тем более в отдаленном прошлом.

* * *

Раннехристианская этика как она выражена в Новом Завете (хотя новозаветная этика неоднородна) исключительна в ряду моральных учений мировых религий тем, что в ней явно был отвергнут талион и заповедано непротивление злу силой. Но христианская этика не от мира сего и в конечном счете не для мира сего. Это – этика, развернутая в ясном эсхатологическом контексте, и все ее требования следует понимать в перспективе второго пришествия Христа. В этом смысле Ветхозаветная этика, как и этика Корана – более земные и принимают во внимание реального человека, находящегося в ситуации расходящихся и конфликтующих частных интересов.

Право на применение силы следует принципиально отличать от “права силы”. Двусмысленное выражение “право силы” указывает на самодостаточную, ничем не ограниченную и не обусловленную силу, которая не может быть проявлением права, но только самоуправства. При уповании на силу как якобы источник права не остается места собственно для права как пространства взаимного ограничения свободных волей. Это необходимо принимать во внимание при анализе возможных оснований для применения силы – в рамках права и только для противодействия неправой силе. Применение силы естественно против несущей опасность силы в порядке предусмотрительности и заботы о себе, а также о тех, на кого распространяются наши попечение и ответственность.

Однако одного этого признания недостаточно. Выше отмечалось, что принципы справедливой войны стали результатом экстраполяции на отношения между воюющими сторонами норм, признанных для оправданной самообороны. Поскольку нормативная теория справедливой войны получила подробную разработку, имеет смысл обратная экстраполяция – для прояснения возможностей силового противодействия обычной несправедливости на основе опыта нормативного ограничения военной силы. Источники этого опыта могут быть различными. Воспользуемся двумя – произведениями Г. Гроция и И.А. Ильина [Гроций 1956; Ильин 1993].

Г. Гроций, опираясь на богатую предшествующую традицию, формулирует ряд принципиальных ограничений на использование силы. Во-первых, применение силы оправданно, если она *не нарушает чужого права*; Гроций говорит только о силе, ограниченной правом и поставленной на службу праву. Во-вторых, использование силы может быть оправданным для *предотвращения* ущерба, в порядке *упреждения*. В-третьих, сказанное выше о применении силы справедливо и для защиты чужих прав, в первую очередь прав тех, кто находится на нашем попечении, за кого мы несем ответственность, с

кем мы связаны обязательствами или по отношению к кому мы испытываем чувство какой-либо общности, а значит, в пределе – каждого. В-четвертых, применение силы оправданно, если благо, на достижение которого оно направлено, существенно превышает испытанное или возможное зло. В-пятых, применение силы морально оправданно не только благодаря цели, но и благодаря действительным намерениям, с которыми сила задействуется. В-шестых, сила должна применяться в качестве крайнего средства, когда очевидно невозможны ни переговоры, ни посредничество; и само применение силы должно быть градуированным: сила не всегда и далеко не всегда радикальна, прежде чем стать разрушительной, она может быть подавляющей, ограничивающей, а то и просто угрожающей.

Как видим, намерение понять условия отстаивания справедливости в ситуациях столкновения интересов, проявления недоброжелательства и враждебности приводит Гроция к логике нормативного мышления, органичного так называемому “естественному праву” – основополагающему фактору общественного и международного порядка, фактору, действительность которого сохраняется и при отсутствии общности воззрений или даже минимального совпадения взглядов противоборствующих сторон. Естественное право, по Гроцию, “внеидеологично”, и поэтому оно может быть основой для установления порядка справедливости, сначала по необходимости довольно сурового, в отношениях между теми, кого не связывает ничего, кроме того, что они принадлежат роду людскому. Причем Гроций спешит прояснить условия и проявления этого порядка как будто бы лишь для того, чтобы показать его действительные нормативные и мировоззренческие рамки. В нормативном плане они задаются также и человеческими установлениями, которые, впрочем, не столь принципиальны, в мировоззренческом же плане они определены другим законом – божественным в общем смысле, а в строгом смысле – евангельским, заданным проповедью Христа.

Доводы И.А. Ильина, направленные на обоснование допустимости применения силы против агрессивного зла, не менее последовательны.

Ильин не меньше других понимает, что применение силы есть вынужденная мера, обусловленная тем, что зло агрессивно и изливается во внешних поступках. Применение силы против зла неспособно побороть зло как таковое и уничтожить насилие, заменив собою “внутреннее, органическое воспитание в духе и любви” [Ильин 1993, 98]. Это очень важный аргумент в споре с *философией ненасилия*. Сторонники абсолютного ненасилия указывают на то, что применением силы не уничтожается зло и насилие, но только умножается, – не принимая во внимание, что в конкретных ситуациях сила направлена не на уничтожение зла и насилия, а на недопущение конкретных действий, обобщенно квалифицируемых как злые за то, что несут собой ущерб, разрушение, угрозу здоровью и жизни, увечье, смерть.

Применение силы оправданно, по Ильину, тремя целями. Во-первых, предотвращением совершения данным человеком данного злодеяния. Во-вторых – “ограждением всех других людей от злодеяния и его отравляющего воздействия” [Ильин 1993, 99], в чем нуждаются прежде всего дети, слабые, беззащитные и больные, а далее и все остальные – самим фактом угрозы со стороны зла. В-третьих – удержанием от пути злодейства тех, кто по слабости может прельститься им.

Это именно *отрицательные* задачи, но они необходимы для решения позитивной задачи действительного единения людей.

Рассуждения Ильина пылки и, возможно, им не достает тонкости дифференцированного рассмотрения ситуаций упреждающего, нейтрализующего или карающего применения силы. Однако в целом его обоснование нравственной допустимости применения силы представляет особый этический интерес, поскольку в отличие от Гроция и других европейских мыслителей он полностью основывался на христианском учении и поэтому не испытывал нужды в концепте естественного права как особого способа упорядочивания конфликтов. В этом отношении его концепция более цельна в нормативно-этическом плане.

Анализ теоретического и этико-нормативного потенциала различных аргументов в пользу морально оправданного применения силы требует развития посредством дополнительной верификации концепций, подобных тем, что выдвинули Гроций и Ильин, с учетом предполагаемого ими расширенного ценностного и нормативного контекста как ненасилия, так и применения силы, в частности, включающего идеи свободы и справедливости. Другая задача такого анализа связана с тем, что этико-философское рассуждение о применении ненасилия или силы непременно должно быть спроецировано на реальную коммуникативную и социально-политическую практику, а значит, на тактику и опыт конкретных действий, разумных и уместных, позволяющих эффективно и с наименьшим моральным ущербом для противостоящих злу пресекать злодея, отстаивая справедливость и утверждая справедливостью свободу.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев 1994 – *Бердяев Н.А.* Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М.: Искусство; Лига, 1994.
- Гроций 1956 – *Гроций Г.* О праве войны и мира. М.: Госюрлитиздат, 1956.
- Гусейнов 1996 – *Гусейнов А.А.* Ненасилие как правда жизни // Опыт ненасилия в XX столетии: Социально-этические очерки / Под ред. Р.Г. Апресяна. М.: Аслан, 1996.
- Гусейнов 1999 – *Гусейнов А.А.* Понятие насилия; Императив ненасилия // *Этика* / Под ред. А.А. Гусейнова и Е.Л. Дубко. М.: Гардарики, 1999.
- Гусейнов 2004 – *Гусейнов А.А.* Возможно ли моральное обоснование насилия? // *Вопросы философии.* 2004. № 3.
- Ильин 1993 – *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой // *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
- Лунь Юй 1972 – *Лунь Юй* // Древнекитайская философия. Собр. текстов в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972.
- Маркс, Энгельс 1955 – *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1955.
- Толстой 1993 – *Толстой Л.Н.* Путь жизни. М.: Республика, 1993.
- Толстой 2002 – *Толстой Л.Н.* Закон насилия и закон любви // *Закон насилия и закон любви.* Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
- Фурье 1939 – *Фурье Ш.* Теория четырех движений и всеобщих судеб // *Фурье Ш.* Избр. соч. Т. I. М.: Соцэкгиз, 1939.
- Фурье 1951 – *Фурье Ш.* Критика строя цивилизации // *Фурье Ш.* Избр. соч. Т. II. М.; Л.: Изд-во РАН, 1951.

Примечания

¹ Выражение “мораль есть бессилие в действии” известно по классическому марксистскому тексту [Маркс, Энгельс 1955, 219]. Но Маркс и Энгельс ссылались на Ш.Фурье. В имеющихся русских переводах Фурье таких именно слов найти не удастся, но есть близкие другие, которые передают смысл идеи “бессилия морали”, – о лицемерии морали цивилизации, которая бессильна оказать помощь человеку, поскольку в форме “нудных бредней” проповедует умеренность и воздержанность, но сама покоится на богатстве и роскоши (см. [Фурье 1951, II, 77–78; Фурье 1939, I, 191]. В оригинале же характеристика морали как “l’impuissance mise en action” встречается как таковая в Эпilogue ко второй части “Théorie des quatre mouvements et des destinées générales” (Œuvres complètes, I. Paris: Anthropos, 1966. Этому библиографическому уточнению я обязан д-ру Луке Скарантино, за что выражаю ему свою глубокую признательность). Излишне напоминать, что идея морали как *бессилия в действии* получила целостное по отношению к концепту, хотя и одностороннее по отношению к морали развитие у Ф. Ницше.